

A top-down view of a garden bed. The ground is covered with a variety of smooth, rounded stones in shades of grey, blue, brown, and purple. Several green plants are growing, including a large leafy plant in the lower-left, a cluster of small white daisies, and various smaller green seedlings scattered throughout. A dark green rectangular banner is overlaid on the upper portion of the image.

Виктор Кукушкин

Постсоветская комедия

12+

Виктор Юрьевич Кукушкин

Постсоветская комедия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49788015

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-08072-0

Аннотация

Комедия-гротеск. «Значит, вы утверждаете, что рождены от непорочного зачатия?» «Я этого не утверждаю, просто, вы сами сказали, что страны, в которой я родился, не существует». (из разговора героя с милиционером) Кризисным девяностым и вообще всем кризисным посвящается.

Виктор Кукушкин

Постсоветская комедия

Какие были чувства, мысли, идеи!.. И вдруг началась гонка, гонка на выживание. В результате этой гонки, в результате какой-то непонятной деятельности, казавшейся важной и необходимой, он захватил широкую акваторию, опустился даже на дно, поднял ил, вокруг стало мутно и темно. И он решил переждать, пока всё успокоится.

Я смахнул все истины, все сомнения, все философские и эстетические рассуждения в поисках смысла, словно провёл рукой по мутному от долгого горения огня стеклу, и передо мной открылся иной мир. Я мог разбить это стекло, но побоялся погибнуть, ничего не познав. Я долго всматривался в этот мир, долго изучал, долго наблюдал, и от моего дыхания стекло вновь покрылось капельками пота. Но запотело оно как-то странно: запотело только то место, к которому рука моя не прикасалась. И тогда я понял смысл Революции.

Я отключил телефон, электричество, перекрыл холодную и горячую воду, на случай непрошенных гостей забаррикадировал окна и двери. Я ещё не знал, что меня ожидает, по-

тому готовился к самому страшному.

Взял ручку и принялся описывать всё, что произошло в последнее время, под копирку, в нескольких экземплярах, чтоб, учитывая непредвиденные обстоятельства, разместить свое вещественное доказательство в разных местах. Когда я взял ручку, над столом появилась муха, очень крупная муха, не муха самолет-бомбардировщик какой-то. Она сделала несколько кругов, нарушив озоновый слой моей головы, её тень несколько раз прошла над запиской, и я отложил ручку. И муха исчезла.

Взявшись за ручку, я вновь почувствовал приближение мухи.

«Всё ясно, – подумал я. – За мной ведётся наблюдение. За мной и, вообще, за всеми нами уже давно ведётся неприкрытое наглое тотальное наблюдение. Наблюдение в самом извращённом виде. Они знают каждое наше слово, каждый поступок, читают каждую нашу мысль».

– Ах ты, противное насекомое! – и я погнался за мухой. И некоторое время кружил вместе с ней по комнате, но не потерял из виду.

Оставшись на месте, стал ждать. Ждать пришлось долго, но я был готов ко всему. Тут в голову пришла еще одна мысль: «Возможно, и сон был придуман как инструмент для исследования наших чувств, для изучения наших мыслей и переживаний. Возможно, сон – не более чем наркоз, во время которого они получают информацию о том, что с нами

происходит в действительности, а, проснувшись, мы забываем об этом».

В большом волнении я поспешил к столу, чтобы зафиксировать своё предположение, взял ручку и почувствовал слабость. Буквы закопошились словно насекомые, стены потекли вниз, тело тоже устремилось куда-то вниз, в пропасть. Сознание еще некоторое время пыталось за что-то уцепиться, найти точку опоры, но вскоре и оно исчезло.

Сон, сваливший меня с ног, оказался мертвым.

Огромная прозрачная капля. Возле капли, словно перед зеркалом, сидит не то муха, не то женщина и прихорашивается.

– А что, муха хоть куда! Жаль, другие этого не всегда замечают. Сейчас кровушки напьюсь, вообще, будет полный прикид! Кровушка у него, должно быть, сладкая, калорийная!.. Она была бы еще слаще, если бы он уснул. Навеки! Вот тогда б поживилась! Всех знакомых созвала бы на угощение. Слетелись бы все кавалеры. Боже, какие у меня раньше были кавалеры! Какие у них были толстые жилки на крылышках! Как канаты!.. А еще мне нравились крутоголовые, эти, что из номенклатуры. Тела у них такие разноцветные, аж переливаются. Вот бы такого в мужья! За ним была бы как за каменной стеной! Всегда сытая. Интересно, где они умудряются в наше время такую калорийную пищу находить? Тут мучаешься, из последних сил выбиваешься, жизнью, можно

сказать рискуешь. Как мне все это опостылело!.. Ладно, полечу, попробую еще разок. Может, на этот раз удастся охмурить этого урода.

На кровати, в свете лампы, сидел монстр, натуральный монстр, и делал вид, что писал... Несколько тысяч взмахов крылышками потребовалось мухе, чтобы подлететь к этому волосатому чудовищу, но он никак не оценил ее усилия и никак на них не отреагировал. Однако муха не теряла надежды и, как любая настоящая муха, сделала вид, что очень увлечена занятием монстра. Одновременно она тайно высматривала наиболее лакомые места на его теле, прodelывая это ненавязчиво, тихонько подзуживая. Но монстр вдруг раздраженно вскочил, схватил в кулак лежавшую на столе газету, замахал руками-оглоблями, засверкал глазами! Муха попыталась его успокоить, свершила несколько вальсирующих движений вокруг его тела, но монстр так сотрясал воздух, что с бедняжкой чуть не случилась морская болезнь.

Вернувшись к зеркалу, муха, как любая настоящая муха, первым делом поправила прическу, припудрилась и разгладила крылышки. Потом, оценив свою внешность, набравшись решительности, добавила:

– Ну, если и на этот раз не удастся, дела совсем плохи. Есть-то хочется.

Но монстр уже лежал на кровати. Муха улыбнулась, как только могут улыбаться настоящие мухи, и, можно сказать, на крыльях любви, спикировала на край одеяла. И сразу же

принялась высматривать различные участки тела.

– Да не егози ты, – пробормотала муха, пробираясь по складкам пижамы, в надежде отыскать наиболее лакомый кусок. – Другой бы спасибо сказал, этот даже не разделся. Всё не как у мух. Ещё я не люблю пауков. Только садомазохистки могут развлекаться с этими чудовищами.

Муха застыла, подняла голову, подозрительно осмотрелась и обнаружила суетливо кружащегося над складками одежды комара.

– Эй, а ты чего тут делаешь, венерический? – рявкнула она в его сторону.

– Я не венерический, я – малярный, – обиженно пропищал комар.

– Не вижу никакой разницы! А ну, быстро проваливай отсюда!

– Целый день кровушки не пил. Смотри, как исхудал! Тут на всех хватит, – еще жалобнее пропищал комар. – У меня желудочек как стаканчик.

– Венерический, я тебе чего сказала? Не лезь! Я его охмурила!

– Фу, какие у вас манеры!

– Какие надо – такие и манеры! А ну, живо, прячь свой инструмент, не то...

– Ладно-ладно, мы еще посмотрим, чья возьмет, – ретируясь, обиженно пропищал комар.

– Проку от вас, только и умеете, что пищать, шприцы од-

норазовые, – успокоившись, пробормотала муха.

Муха вновь поправила прическу, тихо вздохнула и вампиршей вонзилась в тело. Потом муха лениво почти машинально поправила колготки, с полным безразличием осматривая дыру на колене.

– Странно все-таки устроены мухи, – пробормотала она. – Вот вроде бы пища, бери – не хочу. Ан нет, не хочется. И, вообще, ничего больше не хочется.

В стороне от мухи снова спикировал комар.

– Что, хороша Маша – да не наша? – презрительно отпустила муха в его сторону, при этом она рыгнула.

– Не больно и надо, – пропищал комар и добавил: – Слушай, красавица, а что дашь, если я тебе чудо покажу?

– Какое там чудо? Чудес не бывает, – лениво пробормотала муха.

– А если бывает, что дашь? – не унимался комар.

– Говорю тебе, не бывает! Я всю жизнь ждала чуда!.. И где оно?

– Ну, а если я все-таки покажу тебе чудо, дашь кровушки попить? Немножечко. Смотри, как исхудал.

– Да пей, жалко что ли этого добра. Но только ты мне его, это самое, сначала покажи.

У комара после слов мухи потекли слюнки, так что он чуть не захлебнулся. Тем не менее, собравшись с силами, он поднялся в воздух и увлек за собой муху. Вместе они приземлились на подоконник.

– Ну, где твоё чудо? – недоверчиво прожужжала муха, недовольная тем, что её сдвинули с места, при этом она вновь рыгнула.

Комар загадочно улыбнулся, закатил глазки, набрал в грудную клеточку воздуха, подпрыгнул, разлетелся и с силой ударился о стекло.

– Видишь, воздух окаменел! – пропищал он, рухнув на подоконник.

– Не может быть! – удивилась муха. – Дай-ка я!

И муха повторила то же самое.

Потом они повторили то же самое вместе. Потом ещё раз. И ещё! Всякий раз в полном недоумении смотрели друг на друга, и такая озадаченность рождала желание повторного эксперимента. Комар, доказывающий право первооткрывателя, при этом чуть не получил сотрясение мозга. А муха, совершенно обезумев, вскоре вообще позабыла о своём спутнике.

Комар выдержал паузу и довольный улетел, совершая во время полета странные виражи то вправо, то влево.

Муха ещё долго продолжала биться, пинаться, толкать, терять координацию, падать, недоумевать и снова биться. Наконец, совершенно обессилов, рухнула на подоконник и в потрясении прошептала:

– Вот он, конец света! – и приготовилась умирать.

Но конец света должен наступать, а он не наступал. Муха осторожно приоткрыла один глаз и осмотрелась. И обнару-

жив в углу окна паутину с висящими вверх ногами, такими же, как она, мухами, получила новый удар и новое потрясение!

– Во, чего вытворяет, садист проклятый, ирод-многоженец!.. Вот она, долюшка незамужних на всем постсоветском пространстве: умертвил, да ещё и выставил, словно на продажу. Нет на него правоохранительных органов!.. Хоть пришли бы что ли снова красно-коричневые. Тогда б поспокойнее было. Тогда б точно знали, – бояться нужно только красно-коричневых. А сейчас не знаешь, кого и бояться, – и муха потеряла сознание.

Утром я навел порядок в квартире, убрал паутину с окна, очистил сознание от глупых и припадочных мыслей, исключил сепаратизм дурных и озабоченных мыслей, сбросил с себя одежды страха и принял душ.

«Хорошо чувствовать себя свободным», – подумал я. Позже я эту мысль откорректировал, и она зазвучала примерно так: «Хорошо чувствовать себя освобожденным. Ведь только освобожденный может понять цену свободы и в полной мере ею воспользоваться».

У многих, наверное, сложилось впечатление, что я ничего в этот день не делал. Делал, но делал то, что делают другие, поэтому этот момент опускаю. Давайте сосредоточимся на главном.

Как видите, я даже ударился в философию. Но филосо-

фия моя, как, наверное, философия всех остальных, добралась до мысли о сладкой и счастливой жизни и никак не хотела двигаться дальше!

Наступил вечер. Я расстелил кровать и лег. Светлая и холодная простыня, напомнившая экран кинематографа, кинематографа, с которым пришлось на длительное время расстаться, быстро согрелась. Я перевернулся на другой бок и со словами «Пусть мне приснятся эротические сны» закрыл глаза.

Не сразу удалось уснуть. Наверное, потому что подумал о жене. Она должна была скоро вернуться.

Проснулся с полным убеждением что-то в своей жизни менять и вообще начать новую жизнь. Чтоб исключить даже малое сомнение в готовности к новой жизни, чтоб потом уж совсем всё было полностью идеальным, я надел свой лучший костюм и незамедлительно отправился к психиатру в клинику. Провериться. Чтоб точно знать, с чем ещё нужно бороться.

– Подождите немного, профессор сейчас подойдет, – сказали мне на лестничной площадке у его кабинета.

– А я уже давно здесь! – ответил профессор.

– Ой, извините, коллега, не заметил.

– Здравствуйте, – обратился ко мне профессор, словно школьник, спрятав за спину сигарету.

– Здравствуйте, – поздоровался я.

– Профессор, – представился профессор.

Я не стал представляться. Я почему-то решил, что меня все здесь знают. И я всех знаю, только забыл. К тому же, у них наверняка лежала моя учетная карточка.

– Что ж, прошу ко мне в кабинет, – вздохнул профессор, стреляя взглядом то в мою сторону, то в сторону сигареты.

Дождавшись, что я направлюсь в кабинет, профессор резким движением достал сигарету, сделал последнюю затяжку, закашлялся, сконфузился и, брезгливо отбросив сигарету в сторону, пояснил:

– Курить вредно! Я курю только в целях эксперимента!

В кабинете в глаза сразу же бросились носилки на колесиках и рабочий профессорский стол. На носилках лежали, собранные в кучу, сырые липкие человеческие волосы. Рядом стоял скелет. На стенах висели плакаты с изображениями органов человека. На столе внимание притягивал обыкновенный молоток. Сердце мое сжалось! Нет, я, конечно же, понимал, всё, что здесь будут делать со мной, делали и с другими, но это как-то не успокаивало.

– Травмы и ушибы были? – надевая резиновые кроваво-красные перчатки, поинтересовался профессор.

– Как? – не расслышал я.

– Травмы и ушибы были? – взяв молоток, повторил профессор, не то оскалившись, не то улыбнувшись.

Я сглотнул и отрицательно мотнул головой.

– Странно, очень странно, – произнес профессор и, прицелившись молотком, добавил: – Смотрите прямо между глаз.

И продолжил целиться. И стал перемещать молоток из стороны в сторону. Потом встал и осмотрел мою голову сверху, словно подбирал другое место в качестве мишени. Улыбка с лица профессора спала.

– Чего же вы пришли? – разочарованно выдохнул он. – Приходите, когда будут травмы и ушибы.

На всякий случай, осмотрел мой рот. Небрежно захлопнув его тыльной стороной ладони, добавил:

– Сейчас скажете, пришли, потому что не понимаете, что вокруг вас творится. Вам кажется, что вокруг вас происходят разные странные явления.

– Да, – признался я.

– Видите, я угадал! – обрадовался профессор. – Многие сейчас так говорят. Вы женаты?

Я кивнул. Профессор неопределенно покачал головой.

– Ваша жена сейчас дома?

– Нет, кажется, на даче.

– Видите – "кажется"... Вам необходимо срочно разыскать жену и... ну, чего это я?.. вы ж не маленький!.. Пойдемте. Вам стоит заглянуть ещё в один кабинет.

Мы вышли на лестничную площадку.

– Вот, коллега, я вам ещё одного потенциального клиента

привел! – сообщил профессор, обратившись к незнакомцу. Когда тот обрадовался, добавил: – Дай сигаретку, а то я бросаю.

– Руководитель фирмы, – представился незнакомец, угостив профессора сигареткой. – А вы, значит, потенциальный клиент?

Я сглотнул, стараясь держаться увереннее, кивнул, хотя не совсем уловил смысл сказанного.

– Рад, очень рад!.. Ну что ж, пойдёмте знакомиться с образцами.

И мы пошли по коридору.

– Вы не бойтесь, – утешил руководитель фирмы. – Наши образцы вам понравятся, даже можете растеряться от обилия выбора.

Растерялся я сразу после этих слов. Руководитель фирмы, заметив мою растерянность, попытался успокоить:

– Наша фирма занимается установкой решеток на окна и двери уже более ста лет. Мы даже были поставщиками тюрем Двора Его Императорского Величества. Потом, как сейчас помню, обслуживали тюрьмы советской власти. Доход, правда, был небольшой, зато такой бесплатной рекламы никогда ещё в мире не было. А сейчас наступил звездный час! Заказов от правительства, правда, почти не поступает, но от населения – хоть отбавляй! Видите, сколько людей! Их бы ещё больше было, если б людям зарплату вовремя платили.

Перед дверью фирмы, действительно, выстроилась оче-

редь. Не дав опомниться, очередь сомкнулась вокруг меня плотным кольцом, причём я оказался внутри кольца, руководитель снаружи. Руководитель попытался поймать меня, но очередь всегда выстраивалась так, что ему трудно было проникнуть в мое пространство. Когда же ему удавалось проникнуть в мое пространство, нырнув под сцепленными руками очереди, очередь размыкала руки и выпускала меня в другое пространство, после чего снова смыкалась.

При этом все почему-то уговаривали меня поставить решетки на окна и двери. А один старичок даже уверял в необходимости поставить железные решетки внутри квартиры – на кухне, в спальне и в туалете. Потом все одновременно смолкли, любезно расступились и вытолкнули меня к дверям руководителя фирмы. Тот уже восседал за столом своего кабинета.

Я всегда испытывал неловкость, когда ко мне вдруг начинали хорошо относиться, особенно, если это происходило в сфере обслуживания. Все плохо, плохо или никак, и вдруг – хорошо. Я не привык к такому отношению, терялся, и во мне начинали возникать различные подозрения.

– Да вы не бойтесь, – с ещё большей любезностью произнес руководитель фирмы. – Вы только взгляните на образцы решеток, а там уж сами решайте. Но смею уверить, это именно то, что вам нужно! Ну, смелее же, смелее! Да заходите же, наконец! Не бойтесь.

– А я и не боюсь, просто ноги почему-то сами подкаши-

ваются.

Присутствующие терпеливо дождались окончания моей фразы и общими усилиями любезно переместили меня через порог. Такое участие к моей судьбе заставило меня ещё более усомниться. Но организм предательски ответил любезностью на любезность. Вскоре я уже любезничал со всеми направо и налево. Сначала я любезничал с теми, кто находился слева: по-товарищески, с чувством общего достоинства смотрел им в глаза, пожимал всем, оказавшим мне помощь, руки. Потом я любезничал с теми, кто находился справа и даже конфиденциально шепнул одному из них: "Этот... ну, как его... в общем, знаете... н-а-ш президент!" Потом я переместился спиной вглубь кабинета. Улыбка моя продолжала проявлять любезность в полном объеме, и, перебрав все возможные варианты, а некоторые из них она испробовала впервые, застыла на последнем, на самом... последнем. И никак не хотела сходить с моих губ. От этого присутствующие еще больше развеселились.

– Ну что ж, выбирайте, которая из них вам больше к лицу! – указав на образцы решеток, развеселился вместе со всеми руководитель фирмы.

Но ни одна решетка не казалась мне подходящей к лицу. И потому, стоя посреди кабинета на гнущихся ногах, я продолжал улыбаться. Появление в дверях новых посетителей внесло сумятицу.

– Подождите-подождите! – усиленно замахал на них ру-

ководитель фирмы. – Ах, как некстати! Что не видите, я занят? – и огорченно пояснил в мою сторону: – Верхолазы. Нанимаем на работу. Приходится расширяться. Раньше решетки ставили на окна нижних этажей, сейчас на все, даже на самые верхние! Иногда до окна трудно достать, а люди всё равно просят. На днях вот пришёл очень выгодный заказ! Одна из фракций Государственной Думы обратилась с просьбой оборудовать решетками вагоны, идущие на север. Жду железнодорожников!.. Кстати, руководитель этой фракции тоже у нас решеточки заказал. Ну, что подобрали, которая вам больше к лицу? Помочь?

Не дав опомниться, руководитель фирмы взял зеркало и развернул его в мою сторону. И я чтоб не показаться нелюбезным вынужден был брать образцы решеток и, поднимая их перед собой, рассматривал через них своё отражение в зеркале. Эмоции так и высыпали на моём лице, словно это было не лицо, а какая-нибудь грядка по выращиванию эмоций. Мои эмоции ловили люди, стоящие в очереди, по одной эмоции на каждого, и их лица тоже заиграли разнообразием эмоций. Создавалось впечатление, что люди в очереди ничего больше не умеют, кроме как наблюдать за лицами других и удерживать эмоции других на своих лицах.

– Вам надо обязательно поменять стиль одежды, – подмигнул мне руководитель фирмы, игриво выглянув из-за зеркала. – Видите, какую тень рисует на вашей одежде решетка? Сейчас так модно. И сделайте, пожалуйста, другое

лицо! Нет, не это. Поищите сами, перед вами же зеркало.

– Так что же получается: раньше все жили как бы за одной решеткой, сейчас каждому человеку – отдельную решетку? – выдохнул я.

– Совершенно верно! – обрадовался руководитель. – Переход к частной собственности! А частную собственность надо уважать и – держать за решёткой, для большей надёжности. Ну-ка, посмотрите на эту решетку с уважением. Нет, не то. Поищите сами, перед вами же зеркало!.. Человек быстро привыкает ко всему, естественный процесс, и чтобы его от чего-то отучить, необходимо довести всё это до абсурда! Всё в мире достигает кульминации и обращается в свою противоположность. Кстати, вы когда-нибудь сидели в тюрьме?

– Нееет...

– Давайте попробуем! Зачем же откладывать в дальний угол? Да не волнуйтесь вы так. Мы лишь прорепетируем. Как говорится, готовь сани летом.

– Я и не волнуюсь. Просто, вы же сами сказали, что всё превращается в фарс.

– Какой непонятливый! Как же что-то может превратиться в фарс, если его еще нет, если вы ещё не сидели?

Этот совершенно убедительный аргумент сразил меня наповал. И я сел. На пол. Не в силах больше держаться на ногах. И всем своим видом показывал, что уже сижу.

В дверях появился ещё один клиент – лысый, крутолобый мужчина в эклектичной одежде, напоминающей скорее тю-

ремную форму с элементами украшений – с золотыми цепями и прочими драгоценностями.

– Ааа!.. – обрадовался руководитель фирмы. – Самый уважаемый наш клиент! В прошлом, между прочим, вор в законе. Здравствуйте! Как ваши дела?

– Дякую. Все мерки в квартире снял. Милицейскую форму для жинки купил. Треба ставить решетки.

– Цикаво! – расцвел руководитель фирмы и в мою сторону: – Чего сидите?! Бегите домой! Снимайте мерки. И обратно к нам! Уж больно не хочется с вами расставаться.

Когда я пошёл, люди в очереди, почему-то разделились на две группы. Одна из них осталась следить за новым клиентом, другая последовала за мной.

Я сидел в электричке и ехал на дачу, чтобы разыскать жену. Рядом лежал букет цветов, и я изредка бросал на него взгляд.

Не буду объяснять, почему жена срочно отправилась на дачу. Факт остается фактом. А то, что я после её отъезда долго не мог ничего найти в своей квартире и чувствовал себя полным... ребенком – её заслуга! Не надо было меня оставлять одного, и в полном неведении, и без денег. Ох, уж эти женщины! Просчитают всё на десять ходов вперед. Это только мы, мужики, способны на риск и живём без подстраховки. Кажется, проваливаюсь в сон... хоть отосплюсь...

Как лампочка, выключаемая перед сном, отражается на сетчатке глаза, так образы и мысли, поразившие нас в действительности, открывают нам путь в сновидения.

Признаюсь, никак не ожидал увидеть за этой дверью, дверью, подобной тем, в которые не раз приходилось входить, обычной современной дверью, почти ничем не отличающейся от других современных дверей, тоже со своими странностями – к иным, говорят, вообще, невозможно ключи подобрать, а иные, как эта, без ключей; есть двери с такими сигнализациями, что хоть уши затыкай, а есть вообще без сигнализаций; дверь отворили, а нас не пустили, без окон, без дверей полна горница людей... – словом, никак не ожидал увидеть за дверью огромный мраморный зал, в зале – множество женщин!

Женщины со взглядами полными восхищения обступили меня плотным кольцом.

О, этот непостижимый женский взгляд! Он способен сделать из мужчины и героя, и рыцаря, и волшебника! Способен вызвать неведомые силы или, наоборот, привести в полное отчаяние. Всё, буквально всё зависит от женского взгляда, от его глубины, от того, как женщина смотрит, от размеров прищуривания, от угла зрения, от цвета роговицы, наконец. Тут я готов был вывести теорию, величественнее и значимее которой не ведала мировая история! Впрочем, эту теорию я готов был вывести только тогда, когда меня плотным кольцом окружили женщины. Только тогда она вспышкой воз-

никла в моем возбужденном сознании со всеми ее геометрическими построениями и формулами. Но тогда мне было не до математических вычислений, поэтому с сожалением констатирую, в тот момент погибла одна из самых грандиознейших и полезнейших теорий человеческого развития, как сейчас помню.

Взгляды девушек прожекторами шарили по моему телу, отчего последнее чуть не задымилось. Я растерялся и не придумал ничего более умного, чем спросить:

– Девушки, чего вы хотите?

Пока девушки пытались разобраться во всех оттенках вопроса, ещё одна мысль, ещё одна теория вспыхнула в моем возбужденном сознании, и с радостью констатируя, что хоть одна из теорий в эту ночь увидит свет, я толкнул речь:

– Женщина – это не человек! – провозгласил я. – Возьмите хотя бы мою жену. Все мои беды изначально заключены в том, что я решил, что она человек. И все её беды заключены в том же, что она решила, что она человек. Нет, нет и ещё раз нет! Женщина – это не человек, женщина – это роскошь и одновременно произведение искусства! Только так мы должны к ней относиться!.. Именно поэтому на неё хочется смотреть, с ней хочется соперничать, в ней можно увидеть себя, соприкоснуться с другой жизнью, почувствовать себя героем! Именно поэтому ей необходимы интриги, погони, смена мест действий, переодевания, преследования, игра и тому подобное. И когда всё это живет вокруг женщины, живет

и женщина! Когда же это уходит, женщина перестает быть женщиной, становится обычным неинтересным человеком, жалким подражанием мужчины. В центре всего всегда должен быть мужчина, только мужчина! Тогда всё встанет на свои места! И только тогда мужчина поставит рядом с собой женщину! И женщина поймет, что она в центре, когда в центре будет мужчина! Ну, а теперь перейдем к практическим действиям, – заключил я. – Поведайте, для начала, о своих желаниях.

Я уже готов был праздновать победу, женщины вокруг меня стали группироваться так, что я оказывался в центре, одна из них со следами смущения даже придвинула для меня стул, но мой триумф остановил прежний голос:

– Подождите с желаниями! Сначала нужно наколоть дров. Не видите, девушки замерзли! В последнее время редко здесь можно увидеть настоящих мужчин.

– Да?.. Ну, тогда я... Но я не уверен, сумею ли наколоть дров. Может лучше ещё что-нибудь скажу?

– Нет-нет, пойдёмте. Без этого никак!

Уходя, я обнаружил, что из-под полы халатика одной из девушек очень заинтересованно выглядывает кусочек моего маленького "я", материализованное мое маленькое подобие, скрывшееся от меня в тот момент, когда я на некоторое время растерялся.

– А ну, живо иди ко мне, штрейкбрехер! – в негодовании прошептал я.

– Не-а, – мотнуло головой моё маленькое подобие.

– Я тебе что сказал?

– Я тебе что сказал? – передразнило маленькое подобие.

Моему возмущению не было предела! А поскольку я находился в окружении женщин, решил перевести язык слов на язык жестов, справедливо полагая, что жесты, в отличие от слов, невозможно услышать, забыв, что их можно увидеть. Очевидно, устыдившись моего поведения, мое маленькое подобие скрылось. Пришлось наблюдать небольшой бугорок, передвигающийся снизу вверх под халатиком девушки. Когда мое маленькое подобие выглянуло в верхней части халатика, я решил сменить тактику и заговорил с ним подружески, как равный с равным:

– Дай мне сначала разобраться в ситуации, – прошептал я. – Где ж твоя мужская солидарность? Понимаешь, я, как настоящий мужчина, не могу отсюда уйти, не забрав всего себя полностью, без остатка! Иначе меня будет тянуть сюда, и я ничего не смогу сделать. Обещаю, мы обязательно вернемся и обязательно потом найдем эту девушку.

И лишь после этих слов мое какое-то там двадцать пятое "я" соизволило-таки нехотя перебраться ко мне, и я почувствовал себя в себе.

При виде дров у меня сразу зачесались руки. Вскоре щетка перекинулась на всё тело. За этим совершенно интригующим занятием обнаружил, что кожа у меня красного цве-

та.

– Надо же. под взглядами девушек загорел словно под солнцем! Вот это открытие! Ночь полная теорий и открытий! Ну-ка, интересно, а под одеждой есть загар?.. – (под одеждой тоже оказался загар). – Ни одного живого места не оставили! Так, быстренько наколю дров и обратно к ним!

Первое полено далось не сразу. Но когда стало получаться, не заметил, как втянулся в этот процесс, и, можно сказать, даже полюбил его, стал переносить на него все свои мысли и чувства, весь свой жизненный опыт. И чем больше совершенствовалось моё мастерство в рубке дров, тем больше совершенствовался я сам. Все мои взгляды и воззрения находили отклик в этой работе и менялись только тогда, когда происходили какие-либо изменения в ней самой. А дрова прибывали и прибывали. А я рубил и рубил. Лишь иногда, почувствовав усталость, останавливался, чтобы передохнуть, а потом с новой силой брался за топор.

В один из таких перерывов до моего сознания вдруг дошло, что прошло уже немало времени с того момента, когда я покинул девушек, что за рубкой дров, которую я хотел быстренько закончить, я провел большую часть своей жизни. Как такое могло случиться?! У меня перехватило дыхание. Никак не хотелось верить такому чудовищному предположению, и не было оснований этому не верить. Мое сознание устремилось к моменту, когда я приступил к работе, пытаясь постичь загадку случившегося, и никак не смогло это-

го сделать. Будто бы распахнулась бездна! Но ни одна мысль не могла объяснить того, что теперь казалось уже само собой разумеющимся.

– А ты говорил, что мы скоро опять вернёмся к той девушке, – жалобно пропищало моё маленькое подобие, то самое, что с трудом когда-то удалось уговорить вернуться ко мне. Я обратил свой взгляд к нему, увидев его, ещё больше расстроился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.